

Макс Неволошин

Шла шаша по соше (сборник)

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11081433
ISBN 978-0692468593*

Аннотация

Макс Неволошин. В далёком прошлом – учитель средней школы. После защиты кандидатской диссертации по психологии занимался преподавательской и научно-исследовательской деятельностью в России, Новой Зеландии и Австралии. С 2003 года живёт и работает в Сиднее. В книгу включены рассказы о необдуманных обстоятельствах жизни автора, его родственников, друзей и прочих граждан вышеназванных государств.

Содержание

Юрий Иванович	4
О джинсах, коньках и сбыче мечт	29
Вдова Игоря Северянина	56
Кризис среднего	71
Practical joker	85
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Макс Неволошин

Шла шаша по соше (сборник)

Юрий Иванович

В последние годы я редко видел отца. А когда видел – мало с ним разговаривал. Он и до болезни был молчуном, а после... заключил себя как бы в цилиндр из оргстекла, которое со временем становилось всё толще и мутнее. Отец подолгу не отвечал на вопросы, иногда совсем не отвечал. Наверное, мои вопросы казались ему глупыми. Он отделялся междометиями, даже когда приходили гости – его сослуживцы, друзья. Зато мама говорила за двоих – похоже, это всех устраивало. Прочитав мою диссертацию (а прочёл он её тщательно, знаю об этом не только со слов матери, просто отец всё делал тщательно), он произнёс одно слово: «Мудрёно». Я сомневаюсь, что это был комплимент.

За несколько лет до этого академик Запрудин сказал мне, возвращая реферат:

– Знаете, Неволошин, как легче всего отличить дилетанта от компетентного человека? Дилетант пишет мудрёно, очень любит всякие термины, особенно иностранные. Так он маскирует свой дилетантизм. Компетентный человек выражается просто и ясно. Есть такой писатель Курт Воннегут, читали?

– Нет.

– И зря. Вот его известная мысль: тот учёный – шарлатан, который не сможет объяснить семилетнему ребёнку, чем он занимается. Перебор, конечно, но идею вы поняли. Подумайте над ней.

Кстати, сам Запрудин не всегда выражался просто и ясно. Хотя старался, студенты его любили. Я тоже старался, особенно после того разговора. И всё-таки отец сказал «Мудрёно». Нет, точно не комплимент.

А ещё отец был энциклопедистом, любил знать всё обо всём. Мог дать название, определение, объяснение любой букашке, цветку, артефакту, литературному или историческому персонажу. Он знал дату рождения Бенкендорфа, отчество сестёр Лариных, имя доктора Ватсона. Думаю, легко смог бы водить экскурсии по известным музеям мира. Нередко отец переигрывал знатоков из передачи «Что? Где? Когда?» – давал верный ответ раньше них. Мало того, иногда он, опережая ведущего, угадывал вопрос. Кросс-

ворды отец разгадывал «наоборот». Дойдёт до половины, оторвёт условие и говорит: «Проверь-ка меня. Семь по горизонтали. Там должно быть вот что...» Мне льстило, что он выпендривается передо мной.

Как-то раз отец за пять минут объяснил мне парадокс Эйнштейна. Он нарисовал поезд, человека в вагоне и другого на платформе. Затем крупно – часы, написал какую-то формулу... и вдруг – я понял! Отчего в поезде время идёт на доли секунды медленнее, чем на перроне. Понять это казалось мне невозможным. Я испытал такой же душевный подъём, как после знакомства с коктейлем «Северное сияние». Спирт с шампанским в равных пропорциях, если кто не знает. Парадокс я на следующий день забыл, но ощущение помню до сих пор. Значит – оно важнее.

Отец собрал библиотеку почти из двух тысяч книг, включая самиздат и тамиздат. Регулярно ездил на книжный рынок – менялся, продавал, покупал. Когда его отправили на инвалидность, он сказал: «Наконец-то я вдоволь начитаюсь». И стал читать ночами, а днём отсыпался. Я к тому времени уехал из дома, и родители спали в разных комнатах. Однажды ночью отец пошёл в туалет, а может, на кухню попить водички. Упал в коридоре и умер от кровоизлияния в мозг. На поминках многие говорили: «Лёгкая смерть». Ну да, лёгкая, если не считать десяти лет болезни Пар-

кинсона и житья на таблетках. Наверное, я прозвучу, как подонок, если скажу, что уход отца не стал для меня трагедией. Конечно, я сильно расстроился, но... боюсь, не так сильно, как должен был. И не только потому, что редко его видел. Тогда я не мог сформулировать этого, но теперь подозреваю, что мы – я, мать, сестра – значили в его жизни гораздо меньше, чем его работа, его альбомы и книги. Эту же мысль я нашёл в одном из последних писем от матери. Кстати, старшего брата у меня тоже не было.

Зачем я всё это рассказываю? Затем, что, разменяв сороковник, давно похоронив идеалы и иллюзии, я встретил человека, который мог бы быть моим отцом. Или старшим братом.

Мы жили тогда в эмигрантском квартале Веллингтона, недалеко от центра. Две высотки и десяток зданий пониже, набитых голытьбой и тунеядцами разных цветов. Раньше мы думали, что жить близко к центру – это престижно. В Зеландии всё оказалось наоборот. Квартиру слева занимал тихий наркоман, похожий на индейского вождя без перьев. Целыми днями он курил травку и читал Конфуция. Запах из его квартиры мне уже не перепутать ни с чем. Справа обосновался Эндрю, дезертир из Ливии. Узнав, что мы из России, неизменно звал в гости на портвешок. В армии Эндрю

обучали русские инструкторы, о которых он сохранил теплейшие воспоминания. Попадались и бывшие соотечественники, в основном нарушители визового режима и «прыгуны» с кораблей. Почти все они чего-то ждали: одни – депортации, другие – статуса беженца или продления визы. Несмотря на то, что им платили пособие, многие халтурили налево – клинерами, разнорабочими, посудомойками в индийских тошниловках. Таким образом им удавалось заработать на адвокатов, которые помогали отсрочить депортацию, а после отсудить у правительства какую-нито визу. Парадоксальная страна.

Иногда русскоязычное комьюнити собиралось у кого-нибудь в гостях: выпить, поплакаться на жизнь, поматерить новозеландцев. Приглашали на эти сборища и нас с женой. Сценарий не отличался разнообразием: винегрет/оливье, голубцы/пельмени, дешёвая водка... надежда, мой компас земной... и юный Октябрь впереди. Раз возвращались с такой пьянки в компании молодого шалопая по имени Руслан. Ему было с нами по дороге. Говорили о том, что выпивки явно не хватило и неплохо бы добавить. Но – магазины закрыты, да и денег нет.

– А пошли к моему отцу, – предложил Руслан, – он здесь в двух шагах, недавно переехал. У него может быть запас.

– Ну, как это мы заявимся к человеку в одиннадцать ночей? – возразила моя жена. – А вдруг он спит? Да и вам уже хватит.

– Это вряд ли. Он раньше двенадцати не ложится. Бухает в одиночку и смотрит всякую лабуду типа «Мимино». А то я своего отца не знаю? Сыграете ему бардов, он Визбора сильно уважает.

– Без проблем, – сказал я. – А как его зовут?

– Юрий Иванович.

Дверь в квартиру на седьмом этаже оказалась незапертой.

– Пап! Опять не закрываешь дверь? – крикнул Руслан.

Из комнаты вышел невысокий пожилой человек. Очень уютный человек, так вдруг подумалось. Внимательные глаза, добродушные усы. В лице что-то неопределённо азиатское. Юрий Иванович напоминал сэнсэя, отошедшего от дел. Есть такой типаж в голливудских боевиках. По ходу действия сэнсэй встречает молодого каратиста, симпатизирует ему, открывает тайны мастерства. Тот, соответственно, раздаёт гостинцев плохим ребятам.

– Привет, сынок! – обрадовался хозяин. – Хорошо, что зашёл, да ещё с друзьями. Молодец. А я как раз картошечки нажарил, не остыла ещё.

– Пап, мы сытые, – сказал Руслан, – вот если на-

льёшь чего-нибудь...

– Конечно, налью. Проходите.

Мы прошли в комнату, освещённую допотопным телевизором. Беззвучно мелькало какое-то шоу. Даже в полумраке я разглядел, что вся мебель – из Армии Спасения. Вернее, не разглядел, а унюхал. Особый запах у этих гарнитуров. На журнальном столике возникла накрытая тарелкой сковорода. Следом – банка помидоров, бутылка водки и разнокалиберные стаканы. О чём говорили в тот вечер, почти не помню. И не из-за выпитого, а... просто оказалось, что с Юрием всегда так. С ним было настолько легко разговаривать, что процесс беседы вытеснял смысл. Юрий говорил ненавязчиво, без спешки, подыскивал точные слова. Не боялся пауз. И слушал всегда с интересом, глядя собеседнику в глаза. Он немного рассказал о себе. Родом из Башкирии, оттуда уехал в Новосибирск, поступил в университет. Окончил биологический факультет, работал в академгородке. Последняя должность до эмиграции – завлаб. Сейчас... ассистентом на биофаке местного университета. Тоже в лаборатории, но безвозмездно, то есть даром. «Надо же куда-то ходить каждый день, – объяснил Юрий Иванович, – а там обстановка, как родная. Стол дали, компьютер...»

Затем хозяин принёс гитару, пели Визбора, Туриян-

ского... Дискутировали о чём-то, боюсь, что о судьбах родины. Неожиданно моя жена и Юрий Иванович заговорили о философии. Я очень удивился. Жена – кандидат философских наук и не переносит споров с дилетантами. Со мной, например, она вообще не говорит на подобные темы. А тут разошлась – слышу: Кант, Гегель, Ницше... Закат Европы. И Юрий ей более-менее складно возражает. Неужели, думаю, он всё это читал? Кончилось тем, что жена назвала Юрия дилетантом, а Руслан под их спор задремал. Разошлись мы около четырёх утра, обещая «не теряться». И конечно, потерялись бы. Но...

Не мной первым замечена странная обособленность русских эмигрантов по сравнению, ну например, с представителями Ближнего или Дальнего Востока. Те постоянно вместе, скопом. Всегда держатся за своих. А у наших – не поймёшь, где свои, кто чужие. Настороженность какая-то, вечное ожидание подвоха. Или это боязнь показаться зависимым? Навязчивым? Чёрт его знает. Допустим, познакомишься с приятным, интересным человеком. Это редко, но бывает. И ты ему вроде бы тоже интересен. Обменялись телефонами, а дальше – тишина. Надо бы позвонить, но всякий раз думаешь: а вдруг не вовремя? Или ещё хуже – человек давно забыл, кто ты такой есть. А ты влез со своим звонком. И выйдет неловко. Вон и сам он то-

же не звонит. Да и разговаривать особо не о чем. Ну и ладно.

Не таков оказался Юрий Иванович. Через неделю заходит ко мне на работу. Я этой работы, признаться, стеснялся. Профессор Хелен Мэй наняла меня на полставки разбирать её архив. Архив состоял из восьмидесяти, а может ста, больших картонных ящиков. Количество пыли внутри говорило о том, что их не открывали десятилетиями. Я с содроганием представлял себе, как из очередной коробки на меня выползает армия мелких насекомых. Тем не менее я должен был тщательно перебрать содержимое (книги, папки, газетные вырезки, протоколы каких-то заседаний), внести всё это в компьютер и снова упаковать, наклеив соответствующий ярлык. Итак, два с половиной дня в неделю я вдыхал пыль, ворошил никому не нужный мусор и думал: «Боже, на что... На что я трачу свою жизнь?»

Вдруг заходит Юрий Иванович и смотрит на меня снизу вверх. Я стоял на стремянке – запихивал ящик на полку.

– Привет, Макс, – говорит. – Ты что там делаешь?

– Ба! Юрий Иванович... – удивился я. – Да сам не знаю. Наверное, зарабатываю деньги.

Спустился, пожал ему руку. Я был очень рад, что он

пришёл.

– Как вы меня нашли?

– Да делов-то. Подумаешь, неуловимый Джо.

– Хотите кофе, только растворимый?

– Давай.

– Молоко, сахар?

– Как себе.

Пока я наливал кофе, созрел план.

– Юрий Иванович, – говорю, – а ведь мы с женой хотели пригласить вас в гости, в эту субботу. Но я вот подумал, зачем...

– Зачем откладывать до субботы то, что можно сделать сейчас, – перебил Юрий.

– Точно. Только в квартире бардак...

– Который мы легко не заметим.

– И закусить надо что-нибудь...

– Купим. Я вчера бенефит получил.

– Оставьте в покое ваш бенефит. Вы в прошлый раз угощали, теперь наша очередь.

– Ладно, разберёмся.

Я быстро собрался, позвонил жене, и мы пошли в магазин.

И снова вечер удался. И опять-таки сколько ни напрягаю память, не могу восстановить, о чём мы говорили. Хотя нет, вроде бы именно тогда я рассказал Юрию, как впервые увидел будущую жену. Дело бы-

ло на дискотеке, в аспирантском общежитии. Я перекуривал в коридоре со знакомой художницей Людой. Разговор шёл об искусстве, об особом видении художника, что-то в этом роде.

– Вон посмотри, – сказала Люда, – видишь, пятеро девиц танцуют?

– Ну.

– У кого из них, по-твоему, самые красивые ноги?

Как всегда, я выбрал наиболее лёгкий путь.

– У высокой блондинки.

– Не-а. У блондинки ноги обычные. Неплохие, но обычные. А вот у малышки в джинсовой юбке ножки то ч ё н ы е. Видишь разницу?

Я посмотрел на ножки под джинсовой мини и увидел разницу. И сильно удивился, что не заметил её раньше. Глянул на всё остальное и понял – ни флирт, ни роман с этой девушкой меня не устроят. На ней следует только жениться. И это – если очень повезёт. «Ну, а потом – дело техники, – закончил я. – Повезло, в общем. Лет десять меня терпит».

– Двенадцать, – поправила жена. – А вы женаты, Юрий Иванович?

– Был, – Юрий поморщился. – Развелись ещё до отъезда. Нашла тут какого-то профессора, он её вызвал. Потом вытащила детей. Ну, и я подтянулся, вроде как для воссоединения с детьми. Мне там со-

всем паршиво стало одному... Ладно, проехали, хватит о грустном. Давайте-ка лучше нальём и грянем про средство от тревог.

Не помню, как Юрий ушёл в тот вечер. Кажется, я напился.

– Как свинья, – подтвердила утром жена. – Кстати, скажу тебе про Юрия одну вещь. Его алкоголь совершенно не берёт. Совсем. Я ещё в прошлый раз заметила. И вчера вы наливали одинаково. Но ты выключился, а он – какой пришёл, такой и ушёл. Так что тебе с ним лучше половинить, и то...

Звонок. Открываем. На пороге – Юрий Иванович с упаковкой пива.

– Знаете, – говорит, – ребята, главное правило удачной опохмелки? Опохмеляться надо с теми людьми, с которыми пил вчера. Лучше них тебя никто не поймёт. Так что придётся вам терпеть мою морду ещё немного.

Я стал забегать к Юрию по вечерам, раз-другой в неделю. Жена не любила сопровождать меня. «У него в квартире пахнет старьёвкой, – говорила она, – в комнатах бардак, на кухне тараканы. И одет он, как босяк. Интеллигентный человек, завлаб, а одевается хуже Гекльберри Финна. Что за менталитет, прости Господи? Правильно, что от него жена ушла». Несколь-

ко раз она сказала: «Уж приходили бы лучше к нам. Ведь у Юрия даже телефона нет...» «Ну зачем вам этот напруг и суета? – возражал Юрий Иванович. – Мы же по-простому с тобой... Посидим чуток, выпьем, поговорим. И пойдёшь спокойно домой». «Чуток» иногда затягивался до полуночи. В таких случаях, не имея возможности позвонить жене, я шёл домой, объявлял, что буду поздно, и снова возвращался к Юрию.

Почему меня тянуло к этому человеку? Мне не хотелось анализировать это тогда, тем более не хочется сейчас. Однако пошлое стремление разложить всё по полочкам, объяснить, наклеить ярлыки (не наследственное ли оно?) заставляет в который раз думать об этом. Не раз я отгонял от себя мысль, что хотел бы иметь такого отца. Мысль эта казалась мне предательской. Формула «старший брат» почему-то не приходила в голову, а ведь Юрий был старше всего на десять лет... Он с избытком обладал тем, чего я хронически лишён. Мудростью и спокойствием. Способностью воспринять происходящее и себя в нём как единственно верный, а потому удобный порядок вещей. Готовностью улыбаться миру с лёгкой иронией – что бы ни случилось – и видеть зеркальную улыбку в ответ. Разговор с ним действовал на меня, как долгоиграющая таблетка валиума. Отодвигал за мутный горизонт, за небоскрёбы и океан изнурительные

тревоги, обиды, зависть, злость. Метафизическая безмятежность ненадолго занимала вакантную площадь. Потом возникал рецидив, и я шёл за новой таблеткой.

И ещё. Мне казалось, что Юрий Иванович очень одинок. И мне это не нравилось. Не то чтобы он страдал или жаловался, нет. Он вообще ни на что не жаловался, и расстроенным я его не припомню. Зато я видел, как он радуется всякому моему приходу: так, как радовался сыну в первый вечер. Дети навещали его редко. Дочь Машу я встретил у Юрия один раз. Руслан, похоже, не заходил совсем. Я догадывался, что дети больше привязаны к успешной матери, а отца считают чем-то вроде неудачника. Именно одиночеством, а не трудовым энтузиазмом объяснял я привычку Юрия задерживаться на работе дотемна, пока не выгоняли уборщицы. Однажды я зашёл к нему в лабораторию около семи вечера. Юрий поднялся из-за стола, на котором светились два монитора. По одному ползли какие-то графики, в другом был открыт сайт «Свежие анекдоты».

После работы Юрий Иванович шёл домой. Выпивал, закусывал чем придётся. Засыпал под советскую классику, благо плеер и телевизор выключались автоматически. У него было полтора десятка фильмов, которые мы оба знали наизусть и могли смотреть с

любого места. Особенно Юрию нравились комедии Данелии. Иногда он просил меня сыграть и спеть чего-нибудь, чаще всего про «средство от тревог», про «белый прибор» или про «собачку». Бывало, мы по долгу молчали. Молчать с Юрием было так же комфортно, как и говорить. Много бы я дал, чтобы восстановить в деталях хоть один такой вечер. Но нет, память сохранила только обрывки. Помню, Юрий рассказывал что-то о бывшей работе, о коллегах по академгородку. «Это забавно, – сказал он тогда, – вся лаборатория в полном составе, все двадцать человек разъехались кто куда. Половина в Америке, другая в Израиле. Во Франкфурте один приятель. А меня вообще занесло на край света. Везде биологи нужны».

Я, к своему стыду, часто жаловался на работу нынешнюю. Не ту, которая в университете, а вторую – в НИИ. Должность младшего научного сотрудника плохо совпадала с моими амбициями. А также – с образованием и возрастом. Это была временная уступка обстоятельствам. Вскоре я обнаружил себя на побегушках у людей, недостойных завязать мои ботинки. Дважды подавал на повышение, но оба раза продвигали соплевиую молодёжь, едва с университетской скамьи. Уверен, что не без протекции. Контора была насквозь блатная, странно, что я вообще туда попал. Короче, я возмущался и комплексовал. Вдобавок жаловался

человеку, который находился в похожей, если не худшей, ситуации – ведь он работал без зарплаты.

– Перестань ты, – сказал однажды Юрий. – Ну, подумай, из-за чего ты расстраиваешься. Умер кто-то? Заболел? Ах, посмотрели на него не так! Не дали повышения. Какая ерунда. Ты хотел уехать и уехал. Ты знал, что здесь будет трудно? Ведь знал?

– Знал.

– Знал. У тебя непыльная работа, даже две (тут я вспомнил коробки Хелен Мэй). Тебе не противно то, что ты делаешь. Деньги платят, вид из окна. Жена-красотка... Терпит такого охламона двенадцать лет. Наконец, у тебя есть роскошный собутыльник, а это уже излишество.

– Юрий Иванович, – сказал я, – зачем вы меня обижаете? И себя тоже.

– А что? Ты хочешь сказать – друг? – Юрий посмотрел на меня так, словно разглядывал букашку в микроскоп. – Макс, мы с тобой знакомы два месяца...

– При чём тут срок? Человека можно узнать за два часа.

– Ладно, извини. Проехали.

Как-то, вдохновившись от портвейна, я прочёл Юрию свои рифмованные опусы. Ему понравилось одно четверостишие, вот это: Пройдёт война, воззре-

нья переменяются – ничей не будет взгляд ортодоксален. И только Ленин станет верным ленинцем, а верным сталинистом – только Сталин. Юрий достал с полки общую тетрадь.

– Вот смотри. Здесь мне друзья пишут разные приколы. Запиши мне этот стих, ладно?

Ага, уже друзья... – подумал я.

– Можно почитать?

– Конечно.

Половина записей была сделана явно нетвёрдой рукой.

Юрий Иванович много пил. При этом, как верно заметила моя жена, внешне почти не менялся. Если с ним и бывали перемены, то я не успевал их отфиксировать, так как сам менялся гораздо раньше. Серьёзно поддатым я видел его только раз – тридцатого декабря. Мы с женой приобрели несколько упаковок конфет «Рафаэлло» для подарков соседям и знакомым. Одну я понёс Юрию Ивановичу. Дверь, как обычно, была не заперта. Из глубины квартиры доносились нетрезвые голоса. Вид комнаты и её обитателей говорил о как минимум трёхдневном загуле. За столом напротив Юрия сидел в дымину пьяный небритый мужик в заляпанном комбинезоне. Я подумал о ведре засохшей краски в прихожей, из которого торчали валик и

длинная кисть.

– Знакомься, это Адам, – сказал Юрий. – По профессии малер.

– В смысле маляр?

– Нет, малер. Ты знаешь, что такое по-немецки ма-лер?

– Художник, бля! – неожиданно и громко сказал Адам. И вдарил кулаком по столу. Он попытался добавить ещё что-то про забор, который надо срочно докрасить. Но слова давались ему с трудом.

– Никак не уgomонится, Том Соьер хренов, – сказал Юрий. – Эй, Адаша! Иди отдохни. Кровать найдёшь? Только пописать сначала не забудь.

– Пральн... – кивнул Адам.

Он встал и сразу упал под стол. Мы отволокли его в спальню.

– Где вы его нашли? – спросил я.

– Дорогу узнавал. А я как раз из магазина шёл, пригласил его на рюмаху... Уже дня четыре керогазим или три. Какое сегодня число?

– Тридцатое.

– Хм... А я думал, двадцать девятое. Надо же – целый день потеряли! Мне завтра к детям ехать, а я связался с этим чучелом... Совершенно градус не держит. Ладно, пойдём я тебя джином угощу.

Из массива посуды на столе Юрий извлёк квадратную бутылку. Конечно, она была пуста.

– Нда, неудача. Придётся идти в магазин. Вернее, ты зайдёшь, а я тебя на улице подожду. Мне в таком виде нельзя. Сейчас найдём... у меня двадцатник где-то был...

Он обыскал карманы, сначала свои, потом Адама.

– Макс, у тебя деньги есть?

– Есть.

– Ну, считай, я у тебя занял. Напомнишь мне потом. Всё, пошли.

Я купил джина, тоника и два пива ему на утро. Дома Юрий подозрительно рассмотрел тоник.

– Это ещё зачем?

– Джин разбавлять.

– Где ты набрался этих буржуйских замашек? Тридцать семь градусов – это ж нонсенс. Всё уже разбавлено до нас.

– Так он противный без тоника...

– Оставь. Давай его сюда, – Юрий налил и залпом выпил полстакана, закусил подарочной конфетой. – Спасибо. Вкусные... Знаешь, неохота тебе говорить, но всё равно придётся. Я ведь уезжаю скоро.

– Куда?

– В Америку. В Калифорнийский университет.

– Не понял.

– На работу зовут. Бывший начальник получил грант на полтора лимона. Открывает новую лабораторию. Там как раз моя тема...

– Какая тема?

– Да комары, я ж тебе рассказывал! Они, гады, мутируют быстро, и надо их вовремя... короче, понять, как с ними бороться. В Калифорнии та же проблема. И главное, представь, треть нашего института там. По-русски говорят на работе!

– Представляю, – сказал я.

Мне стало грустно. Я посидел ещё немного и ушёл. Шёл и думал: может, у него фантазия такая спьяну.

Через месяц Юрий Иванович уезжал. Мы помогли ему вынести из квартиры мебель. Что-то купил старьёвщик. Остальное увёз фургон Армии Спасения. На джипе подъехала бывшая жена Юрия – забрать свой компьютер. Представительная, ухоженная брюнетка академического типа. Вежливо-расслабленная ладонь. «Юра много рассказывал о вас. Спасибо, что навещали его иногда». «И вам спасибо», – чуть не ответил я. Потом мы выпили вина из коробки в органично пустой комнате. Обнялись, похлопали друг друга по спинам. «Всё будет хорошо, ребята, – сказал Юрий. – Всё будет нормально. По-крайней мере за вас я спокоен». Иногда я думаю об этих словах. Был

ли в них какой-то особый смысл? Или не было никакого такого смысла? Что значит «за вас я спокоен?» А за кого не спокоен – за себя?

Восьмого марта в нашей квартире зазвонил телефон.

– Привет, – сказала трубка знакомым голосом. – Жена дома?

– Юрий Иванович, это вы, что ли? – осторожно спросил я.

– Хе-хе, нет – это кто-то надел мои штаны.

– Ну как вы, где? Рассказывайте.

– погоди, давай супругу сначала. А то я забуду, зачем звонил.

Жена с удовольствием выслушала поздравления.

– Спасибо, Юрий Иванович! Такая приятная неожиданность... Да кто теперь о нём помнит?... Ну, он-то конечно... Прямо сейчас – кухонный комбайн! А в прошлом году пылесос... Ладно, даю.

Юрий рассказал, что начал работать, снял квартиру, приобрёл годовалый «Форд». Что в лаборатории действительно говорят по-русски, редкие американцы вынуждены учить язык. Что ни Голливуда, ни Диснейленда пока не видел, но ждёт в гости детей, «вот с ними и сходим».

С тех пор мы созванивались более-менее регуляр-

но. Через полгода Юрий сообщил, что женился! Естественно, на бывшей аспирантке. Мы тем временем переехали в Сидней. Устроились на работы, о которых можно говорить, а не мычать. Думали о путешествии в Европу с промежуточной посадкой в Лос-Анджелесе. Однажды от Юрия пришло электронное письмо: «Меня пропечатали в газете». В приложении – статья, озаглавленная «Понять опасного вредителя». И два фото. С верхнего самодовольно улыбался некий профессор Райхель, явно начальник. Я догадался, что это он выдернул Юрия в Америку, и почувствовал лёгкую неприязнь. Рядом, на мониторе, – увеличенное изображение комара. На снимке ниже – Юрий Иванович в профиль, в руке что-то похожее на фен. И далее: «Исследователь Юрий Лашков применяет вакуумный экстрактор для поимки трансгенных москитов».

* * *

Суббота, полдень. Мы с женой на балконе под солнечным зонтом едим арбуз и пьём шампанское. Сегодня день рождения Юрия Ивановича. Звоню ему. На том конце различим смех и звон посуды. В Калифорнии поздний вечер.

– Спасибо, ребятки, – голос у Юрия растроганный

и чуть нетрезвый. – И что вы там пьёте за меня?

– Шампанское.

– Что? За меня шампанское?! Быстро марш за водкой!

– У нас час дня и жара...

– Пижон. Ладно, вечером сходишь. Ну, когда вас ждать?

– Скоро, теперь уже скоро... Я позвоню... Юрий, мы обязательно к тебе приедем. Сходим в Диснейленд, съездим в Лас-Вегас на рулетку...

– Обязательно. И никаких гостиниц – жить только у нас.

Кажется, это был единственный раз, когда я назвал его на «ты».

* * *

В то утро я пришёл на работу в костюме и галстуке. Должен был выступать на презентации. Открыл почту, увидел письмо от Руслана «без темы». Кликнул – пустой экран. Нет, не пустой. Одна строчка сверху.

Vchera umer otec, ustanovilos serce

На несколько секунд я убедил себя в том, что это идиотский розыгрыш. Особенно дикими казались ла-

тинские букочки и ошибка в слове «сердце». Я сидел как деревянный и всё смотрел и смотрел в этот белый экран, как будто ждал, что там появится что-то ещё. Пока не осознал, что Юрия Ивановича больше нет... Позвонил жене и пошёл на презентацию. Лучше бы я её отменил.

Через год Руслан был в Сиднее. Рассказал, как всё случилось. Юрий с дочерью (у него гостила дочь) поехали на слёт бардовской песни. Оказывается, в Калифорнии есть нечто похожее на наш Грушинский фестиваль. Концерт, затем костры у палаток и так далее. Юрий посидел в нескольких компаниях, думаю, что хорошенько выпил. На какое-то время дочь его потеряла. Слышала сквозь сон, как он забрался в машину и затих. Утром дочь проснулась, а он – нет. Не хотел бы я быть на её месте.

Однажды ночью он мне приснился. Мы гуляли в каком-то парке. Кажется, в больничном, потому что Юрий был в пижаме, но вид бодрый и весёлый.

– Юрий Иванович, – спрашиваю, – как же так? Вы вроде умерли?

– Да нет, – смеётся, – это не я. Это другой человек умер. Нас перепутали в больнице...

И понёс такую мексиканщину, что я от досады проснулся. Смотрел в темноту и чуть не плакал от жалости к себе. Я снова чувствовал себя брошенным,

испуганным ребёнком, у которого не было ни отца, ни старшего брата, ни даже подобия сэнсэя из дешёвого кино. Или он был? Или я его придумал? Нет, меня подразнили – показали как это хорошо, когда у тебя есть человек, который старше и мудрее. И ты ему доверяешь. Пусть он на другом конце земли, но ведь можно позвонить и услышать голос, который скажет правильные слова, успокоит, объяснит хоть что-нибудь. Да и звонить-то не обязательно, главное – чтобы он был. Такой человек нужен каждому, только не все об этом знают. А может, лучше и не знать? Может, лучше и не знать.

О джинсах, коньках и сбыче мечт

Недавно кто-то из виртуальных знакомых упрекнул меня в частом сочинительстве от первого лица. Даже не упрекнул – отметил, с намёком на эгоцентризм и слабую фантазию. Я не стал возражать, но умолчал о главной причине. Думаю, что главная причина – лень. Допустим, вот этот рассказ можно было бы начать так: «Васе Иванову давно безразлично, как он одевается». Но ведь надо придумывать герою имя-фамилию, печатать лишние буквы, а мне неохота. Куда проще сказать «я». Тем более это вовсе не обязательно тот самый я, который в данный момент стучит по клавише.

Итак, с некоторых пор мне стало почти безразлично, во что я одет. Началось это в эмиграции. Оказавшись на улицах Веллингтона, я испытал шок. Люди выглядели так, будто... Будто вот человек проснулся – а у его кровати свалка разнообразной одежды. И оттуда спросонья вытягивается и напяливается первое, что достанет рука. У многих девиц пальтишки и жакеты были надеты прямо на кружевные ночные сорочки. Ниже – сапоги на массивной платформе. Сперва я подумал, что это шлюхи. Потом решил, что наблюдаю

даю какой-то дикий выкрик моды. И только впоследствии понял: этому народу элементарно до фонаря, чего носить. Главное – чтобы дёшево и более-менее подходило по размеру.

Какое-то время я работал в частной школе. Познакомился с богатой семьёй. Отец – важная шишка в Exxon Mobil. Однажды субботним утром встречаю его в супермаркете – в раздолбанных кроссовках и мятых трусах. Это были не шорты, а именно трусы. Не удивлюсь, если он в них спал. Затем я работал в университете. Начальница, дама преклонных лет, частенько являлась в офис в розовых бриджах. А её зам, тоже дама не первой юности, – в застиранном спортивном костюме. Я не шучу – олимпийка и треники с пузырями на коленях. Помню, ещё одна сотрудница хвасталась дублёнкой реквизитного вида, отороченной подозрительным мехом. «Это мексиканский тушкан или шанхайские барсы?» – хотел спросить я. Но вовремя понял, что не скажу этого по-английски. Коллеги между тем восхищались:

– Какая прелесть – и всего за шестнадцать долларов!

– На гараж-сейле повезло. А в оригинале такая – двести.

По количеству секунд-хендов на единицу площади Веллингтон уверенно лидирует среди знакомых мне

городов мира. Многооборотное использование одежды и другого скарба поражает новых иммигрантов. Надоевшие или изношенные вещи здесь не выбрасывают. Их сдают в комиссионку, где их кто-нибудь обязательно покупает. Попользовавшись, новые хозяева опять-таки несут барахло в секонд-хенд или Армию Спасения. И так до полного истлевания. Не то чтобы жадный народ... Исторически, наверное, так сложилось – многое везли с большой земли, а она ох как далеко. Может быть, что-то изменилось с появлением сетевых аукционов. Не знаю. Короче говоря, моя любовь к модным нарядам не вынесла испытания этой страной. Через пару лет я стал одеваться как все, то есть как попало. Ощутил от этого даже некоторую лёгкость, будто порвал с кем-то запутанную, утомительную связь. И хотя мы давно покинули Средиземие, равнодушие к одежде накрепко засело во мне. Сейчас моим гардеробом занимается жена. В примерочную я захожу только под угрозой скандала.

Довлатов говорил, что люди рождаются, страдают и умирают неизменными, как формула воды H_2O . В «Наших» он приписывает эту мысль Шопенгауэру, но тут же опровергает её чередой занятных метаморфоз, произошедших с его близкими. Метаморфоз не поверхностных, а личностных, глубинных. Тем не менее в его тоне слышится вопрос... Где же правильный от-

вет?

Вспоминаю, как в седьмом классе я объявил родителям ультиматум. Отказался ходить в школу в убогих магазинных костюмах – только в пошитых на заказ. Каждый год, скрипя зубами, родители отстёгивали деньги на ателье. Внешность у меня обычная, в спорте не преуспел, драться боялся. Надо было хоть чем-то выделяться. С джинсами оказалось труднее. Цена фирменных Levi's равнялась месячной зарплате отца. А мне, разумеется, хотелось именно Levi's. Воровать – так миллион, спать – так с королевой, правильно? Как это говорили... Ты пришла ко мне на хаус в новых джинсах Levi Strauss. Закадрить Анжелу Дэвис нам помогут... Кстати, недавно узнал, что она лесбиянка. Но – не будем отвлекаться. Несовпадение желания и возможности больно щёлкнуло меня по носу. Я стал рассеянным и грустным. Вид чужой обтянутой денимом задницы с вожделенным лейблом мог испортить настроение на целый день. В итоге пришлось снизить запросы.

Мои первые джинсы имели странное название: We Americans. Их продал мне задёшево троюродный брат Серёжа. Джинсы были, мягко говоря, не новые. Зато почти моего размера.

– Ничего, – ободрил меня Серёжа, – скоро найдём

что-нибудь получше.

Встречаемся через полгода.

– Заезжай, есть для тебя штаны.

Заезжаю. Он протягивает мне свои джинсы Rok.

– Вот примерь. Считай, с нуля – четыре месяца всего таскал. Мне вон другие привезли.

На белом кожаном диване лежали новенькие Levi Strauss...

– Сколько? – спросил я.

– Семьдесят.

Надо было плюнуть ему в глаз и уйти. А я... Да – заплатил и взял его обноску. Мало того, угостился его сигаретой.

Следующие джинсы, Lee, я купил на барахолке, недалеко от универмага. Мерил их в общественном туалете, а продавец караулил у дверей. Джинсы оказались велики размера на три. Никаких проблем – к тому времени я свободно овладел швейной машинкой. Мог сделать двойной фирменный шов, не говоря уже о ерундовой подгонке. Затем были Super Rifle, Dakota и что-то ещё. Но те джинсы, о которых я мечтал, будто злонамеренно ускользали от меня. Наступил момент, когда я смог позволить себе Levi's и даже ездил на рынок. Однако прилавки были завалены сомнительной варёнкой. А мне хотелось классику. Винтаж. Оригинал.

После рынка я окончательно махнул рукой на это дело. Мечта уже состарилась. Она слабела и теряла вес. Я знал: ещё год-другой – и мне станет всё равно. И тут я оказал какую-то услугу школьному приятелю Ване, фарцовщику со стажем.

– Проси, что хочешь, – сказал пьяненький Ваня. – Любую шмотку. Но в разумных пределах.

– Levi's, – не задумываясь, ответил я. – Пятьсот первый. Только никаких варёнок – тёмно-синий жёсткий котон, тридцать два на тридцать. И чтобы made in где положено.

– Обижаешь, – усмехнулся Ваня.

И через неделю привёз мне новые джинсы Levi Strauss. В точности как те – у брата на диване. Я влез в них (словно там родился!) и почти не снимал четыре года. Впоследствии жена выбросила их тайком. У меня не поднималась рука.

Думается, у всякой мечты есть свой жизненный цикл. Она возникает, развивается, крепнет, иногда превращается в зависть. Если исполняется – умирает скоропостижно, с улыбкой на губах. Если нет – то от старости, с унылой гримасой на морщинистом лице. До конца с человеком остаются лишь две примитивные долгожительницы – грёзы о больших деньгах и покое. Вероятно, я удачливый человек – почти все мои мечты сбылись, притом не успев одряхлеть. Ис-

тория с джинсами – редкое исключение. Похоронил я всего трёх старушек. Две из них тревожат меня до сих пор. Не то чтобы тревожат, а... смущают, что ли. Хочу рассказать обо всех. Назовём их – журнал «Юность», кожаное пальто и хоккейные коньки.

* * *

Первый стих я сочинил в двадцать лет. И удивился этому, поскольку стихов не любил, да и теперь не люблю. Есть в них что-то противоестественное. Или наоборот, что-то слишком естественное – природное, дикое... Как тьяканье собак на луну – им и самим вроде неохота, и знают, что глупо, а куда денешься? Я тогда учился в педагогическом институте. Учился скверно, часто прогуливал, выпивал, общался с иностранцами. Естественно, меня прессовали с обеих сторон: и дома, и в институте. Однажды я шёл в лохматом настроении под утро из гостей, бормотал под нос какие-то слова... И вдруг – понял, что сочинил стих. Стих был на тему «дайте, гады, мне свободу, как вы все достали, блин». Неожиданно процесс меня увлёк. За несколько дней я сочинил ещё с десятков стихов – о природе, погоде, кошках, а может быть, собаках, не помню. Озвучил их на какой-то пьянке, имел успех у девушек – вот она, главная цель стихотворцев! Я

записался в местное литобъединение, проник в богемную тусовку. Завёл роман со студенткой филфака. Именно тогда мне в голову втемяшилась идея напечататься в журнале «Юность».

Почему именно «Юность»? Только этот журнал давал фото автора над публикацией. Кроме того, внимательно изучив годовую подшивку «Юности», я убедился, что мои тексты ничуть не хуже. К тому времени у меня накопилось две общих тетради стихов и папка рассказов. Сочинялось всё это легко и быстро, не то что теперь. Дальше можно не читать – и так ясно. Несколько лет я слал рукописи в «Юность» и аккуратно получал их назад со стандартным отказом. Объяснения причин напоминали издевательство. Одновременно я посылал рукописи в другие журналы. В двух из них мне удалось напечататься. Затем меня пригласили выступить на радио. Молодёжная газета опубликовала два моих рассказа. Но «Юность» держалась, как скала. В глубине души я понимал, что это дохлый номер. Что они просто игнорируют авторов с улицы. Тем не менее я сделал последнюю и решительную глупость. Взял наиболее удачные тексты и поехал в редакцию лично.

Два раза я встречался с Юрием Ряшенцевым и раз с Андреем Самарцевым – тогдашними консультантами журнала. Высиживал долгую очередь среди таких

же, как я, идеалистов с портфелями. Ряшенцев (тот самый, который «пора-пора-порадуемся...») критиковал меня за отсутствие авторской позиции и подражание Бродскому. Я вышел от него почти счастливый. Ещё бы – подражание Бродскому! Теперь я понимаю, что интеллигентный Ряшенцев говорил это каждому забракованному автору. Что говорил Самарцев, не помню: видимо, ничего хорошего. Так как именно после разговора с ним желание напечататься в «Юности» оставило меня навсегда. Позвони сейчас главный редактор с мольбой о публикации – ей-богу, откажусь. Да и фото мне ни к чему. Какое может быть фото, если я по утрам зеркала стесняюсь?

* * *

История про пальто и того банальнее. Захотелось мне однажды кожаное пальто – нет, не после фильма про место встречи. Как-то зимой начальник попросил выгулять по Москве двух иностранцев. Кажется, это были голландцы – муж и жена. Оба упакованы в элегантные пальто из мягкой кожи. У неё – кремовое, у него – чёрное, с меховым воротником. Я, нищий аспирант в старом пуховике, выглядел рядом с этой парой довольно убого. Любому встречному было ясно, кто иностранцы и кто при них халдей. Одним словом, так

захотелось кожаное пальто – хоть вешайся. И было от чего. Мои доходы позволяли купить в лучшем случае рукав. Даже о куртке смешно было мечтать. Тем не менее вскоре я стал обладателем превосходной кожаной куртки. Произошло это так.

В 1993 году меня отправили на учёбу в Мюнхен. Не за какие-то особые заслуги – просто повезло. Оказался в правильный момент рядом с нужным человеком. В Мюнхен я влюбился с первого дня и на всю жизнь. Такого уютного, стильного, изысканного города я не видел ни до, ни после. Мюнхен напомнил мне любовно отреставрированный старинный автомобиль. На рассвете улицы мылись шампунем. Городские автобусы могли заменить часы. В вокзальных сортирах, пахнущих земляникой, играла музыка Вивальди. Шикарные витрины манили... но денег опять-таки не было. Две трети моей стипендии уходили на квартплату. Общежитие дали не сразу – пришлось снимать комнату. Комната, правда, была хорошая. Рядом с университетом, большое окно, новая мебель. Хозяйка тоже оказалась ничего... по местным стандартам. В московском метро никто бы головы не повернул. Хозяйку звали Барбара. Работала она в университетской библиотеке. На работу ездила на велосипеде, даже зимой.

Меня разместили на втором этаже, напротив хо-

зьяйской спальни. Здесь же – её ванная и туалет, которыми мне пользоваться не разрешалось. Мой санузел находился этажом ниже. Это значит, если ночью приспичило, идти через холодный, тёмный коридор и вниз по крутой лестнице. Удобства со мной делили сыновья Барбары. Старший – негритёнок, от первого брака. Младший – белый, но такой же лоботряс. Его отец, Кристоф, читал у нас на курсе психологию эмоций. Барбара сказала, что развелась с ним, так как он пьяница и в нетрезвом виде опасен. В дальнейшем это подтвердилось.

Лекции Кристофа мне понравились. Я записался к нему на практику. В перерывах мы выходили на улицу. Пили кофе, курили, разговаривали на научные и всякие другие темы. Раза два сходили по пиво. Затем Кристоф пригласил меня в гости. У него в клозете я обнаружил большое цветное фото экс-супруги. Топлес. Видимо, он до сих пор любил её. Мы выпили. Потом ещё. На закуску хозяин выставил блюдо маринованных огурчиков и тазик попкорна. Под эту невразумительную еду принесённая мной «Столичная» унеслась быстрее лани. Кристоф достал из холодильника «Горбачёва» 0.75. Эге... – подумал я. – Надо бы заказать такси. Мы выпили ещё...

Неожиданно мой собеседник вырулил на тему Барбары. В смысле, каких мужиков я у неё встречал. Тут

я едва ли мог ему помочь. При мне к Барбаре заходил только один человек – крепкий, седой дядька, похожий на сатирика Войновича.

– Ну и что они делали? – прищурился Кристоф.

– Чай пили, с кексом.

– А потом?

– А потом я ушёл наверх.

– Ну? А дальше?

Я почувствовал себя на допросе в гестапо.

– Да откуда я знаю? Ушёл он... Барбара ещё смеялась, говорит, богатый человек, миллионер, а кекс недоеденный унёс.

– Во тварь, – сказал Кристоф.

– Кто?

– Оба.

Он помолчал.

– А ты это... сам с ней... не пробовал?

– Нет.

– Что, не нравится?

Меня начал серьёзно тяготить этот разговор. Сцена прямо как в анекдоте. Сейчас он заорёт: «Брезгуешь, гад?!» Что бы ему ответить?...

– Не в этом, – говорю, – дело. У меня girlfriend в Москве.

– Ну и зря. Ты не знаешь, что потерял! Какая она в постели... м-м-м... Сейчас мы ещё выпьем и поедем

к ней. Вместе.

– А я тут при чём?

– Она меня одного не пустит. А с тобой пустит.

– С какой стати? Я там давно не живу.

– Она при тебе не посмеет...

– Нет уж, Кристоф, – я встал, – разбирайся со своей бывшей сам. А я поехал домой.

– А на посошок?

– Ну, давай.

Дальнейшие события помню неотчётливо. На какое-то время меня сморило. Когда я пришёл в себя, Кристоф метался по комнате и орал что-то в телефонную трубку. Я догадался, что он звонит Барбаре, но кроме слова «полиция» мало что разобрал. Разговор, по крайней мере с нашей стороны, вёлся преимущественно матом. Я не знаток немецкого мата, но думаю, что по разнообразию и экспрессии он не уступает отечественному. Английский рядом с ними обоими – это детский лепет. Вдруг хозяин с криком «Шлюха!» метнул телефон в стену. Если бы он взял чуть левее, вы бы сейчас не читали этих строк. В дверях я столкнулся с двумя полицейскими. Их вызвала не Барбара, а соседи.

Я съехал от Барбары в конце ноября. Жаль, что это совпало с болезнью её кота. Кот был не кастрирован-

ный – шлялся, где вздумается, уходил и приходил, когда хотела его левая задняя. Иногда – через мою комнату. Тогда он просил меня открыть форточку, и мы немного общались. Это было единственное существо во всём городе, с которым меня не напрягал языковой барьер. Однажды кот вернулся в плачевном состоянии: исцарапанный, в крови, ухо разорвано. Барбара взяла отгул и повезла его к ветеринару. Кота подлечили, зашили ухо и выписали счёт – двести тридцать марок. Хозяйке было одинаково жалко и кота, и денег. Она даже всплакнула. Именно в этот день я получил место в общежитии. Барбара расстроилась ещё сильнее и предложила скидку в пятьдесят марок, если я останусь хотя бы ненадолго. То есть пока она не найдёт другого жильца. Я сочувствовал ей, правда. Однако деньги были мне нужны. Да и место в общежитии ушло бы.

Моим соседом по комнате оказался высокий, худой юноша по имени Андреас. Трезвый, мирный. Покуривал травку. В общем – никаких проблем, кроме одной. У соседа был портативный телевизор, с утра до вечера настроенный на канал MTV. Через месяц я безошибочно ориентировался в попсе начала девяностых. До сих пор узнаю, когда слышу по радио. Подумав, я решил смириться с этой музыкой. Мне доводилось жить с такими подонками, рядом с которыми Андреас

казался ангелом. Да и сам я – не подарок... Впрочем, это всё не важно. Важно, что у меня – наконец-то! – появились свободные деньги.

С очередной стипендии я поехал в Olympia Einkaufszentrum и приобрёл шикарную кожаную куртку. Не очень дорогую, но и не самую дешёвую. С пятью молниями и стоячим воротником. В этой куртке я был похож на Элвиса Пресли. Я готов был носить её даже в помещении. Кожаное пальто оставалось недосягаемым. Тут надо было копить, а я этого не умею. Зато через месяц я стал обладателем двухкассетника Panasonic и телевизора Sharp. Это был маленький телевизор, но цветной. А главное – первый в моей жизни телевизор, купленный на свои деньги. Сейчас у нас третий. Иногда я думаю, будет ли четвёртый? Ещё через месяц я купил эластиковый костюм Adidas. И кроссовки Adidas Torsion Response. Следом – несколько маек, трусов и носков Adidas. Можете смеяться, но я засыпал и просыпался в адидасе – назло всем пижонам, которым завидовал десять лет назад.

Летом я вернулся из Германии. Защитился, женился. Мы сняли однокомнатную квартиру на улице Расплетина. Я халтурил в шести местах. Жена ушла с кафедры искусствоведения и устроилась администратором в торгово-закупочную фирму. Всё равно мы ед-

ва сводили концы с концами, часто говорили об эмиграции. И вдруг – жена получила щедрый бонус. Вернее... как бы это сказать? Премировала сама себя. Всё легально, подробности опустим. Я сразу вспомнил о кожаном пальто – дело шло к зиме. Тут выяснилось, что не я один в нашей семье хочу такое пальто. Мы бросили монетку – выпало жене, что, конечно, справедливо. Мы купили его на ВДНХ. Турецкое, длинное. Матовая кожа. Сидело, как родное. Впрочем, жене всё идёт. Три года она носила его в Москве, и пять – в Веллингтоне. Выбросила только в Сиднее – температура здесь редко опускается ниже плюс пятнадцати. Наиболее холодная территория в округе – это мясной отдел супермаркета.

Супермаркет расположен прямо под нашим домом. Это очень удобно. Ещё там есть кинотеатр, два ресторана, кафе и бутики. Есть, например, магазин итальянских солнцезащитных очков китайского производства. Недавно узнал цену очков – триста восемьдесят долларов со скидкой. Я в этом магазине годами никого не видел. В одном бутике торгуют изделиями из кожи. В основном это лёгкие дамские курточки. Но есть и пальто, в том числе мужские. Проходя мимо, я всегда замедляю шаг. Я думаю о том, что вот сейчас, сию минуту, мог бы купить три кожаных пальто. Или четыре – если окончательно сойти с ума. Или хотя бы

одно. Только зачем? Ну, куда я в нём пойду?

* * *

Последний, самый глубокий заныр в прошлое. Среднеподростковый возраст. Зима, вечер. Снег звучно хрустит под валенками. Темно и немного страшно. Я иду через парк – на каток. Там друзья, музыка, огни. Девочки в коротких шубках осторожно скользят на белых снегурках. Или прогуливаются небольшими группами, откуда часто доносится смех. На мальчиков они, конечно, ноль внимания. А мальчики, с клюшками и без, проносятся мимо, закладывая рискованные виражи. Особый шик – затормозить перед красивой девочкой так, чтобы лёд со свистом брызнул из-под коньков. Но можно не рассчитать и врезаться в девочку. И совершить нечто похожее на объятия. В общем, романтическая атмосфера.

Отравляла её единственная деталь – коньки. В продаже были только одни мужские коньки: странного дизайна – по щиколотку. Фекально-коричневого цвета. Их как-то обидно прозвали, не вспомню сейчас. Кататься в них было трудно, ногу не держали совсем. Друзья научили меня, как с этим бороться. Коньки покупались на размер больше. От старых валенок отрезались длинные куски плотного войлока и устанавливались

ливались в задниках коньков. Затем всё это крепилось к ноге удлинённой шнуровкой. Выходило самую малость похоже на хоккейные коньки. Особенно если прикрыть их штанами.

А ведь кое у кого были настоящие хоккейные коньки. Высокие, канадские. Например, у подающих надежды игроков хоккейной секции. Надо ли говорить, как жутко мне хотелось такие коньки? Но секция исключалась. Играл я так себе и вряд ли стал бы подающим надежды. Кроме того, в секции преобладала местная шпана.

Здесь мне снова придётся вспомнить троюродного брата Серёжу. Потому что у него были хоккейные коньки. Хотя он не имел никакого отношения к секции. У него вообще было много чего: джинсы, американские сигареты, магнитофон. Даже собака. А ещё – папа, крупный партийный босс.

Дядя Гена и мой отец учились в авиационном институте. Тогда это считалось престижным. На первом курсе оба были комсомольскими активистами. Отцу это быстро наскучило. Он углубился в науки, получил красный диплом и отбыл по распределению на завод. Гена оказался дальновиднее. Осознав разницу между авиационным инженером и партийным функционером, он энергично устремился к номенклатурным вы-

сотам. У дяди была подходящая наружность: валяжен, кучеряв, умеренно мордаст. Он отлично смотрелся в президиуме. Складно говорил – как на партактивах, так и в застолье, был общителен, весел, беспринципен. Чего ж вам боле?... Когда мой брат вступил в годы отрочества, дядина семья имела все положенные блага. Четырёхкомнатную квартиру в центре, обкомовскую дачу на Волге, членовоз, катер... Подписку на журнал «Америка». Не говоря уже про импортные шмотки и дефицитную еду.

Я не знаю, для чего брату понадобились хоккейные коньки. Смутно припоминаю, что он и кататься-то едва умел. Может быть, именно для этого – в простых он не смог бы, точно. Коньки валялись рядом с обувной полкой. Те самые.

– Отец достал? – спросил я.

– Угум, – равнодушно кивнул Серёжа.

Есть у меня такое наблюдение, может, не совсем верное. Оно заключается в том, что бедные родственники непростительно долго соображают, кто есть кто. Богатым на это требуется значительно меньше времени. Вернее, они это знают с детства. В сноба легко превращается даже очень маленький человек. Надо только привыкнуть, что у тебя – всегда – лучшие игрушки во дворе. Был ли Серёжа снобом? Что-то мешает мне ответить «да». Я не хочу плохо гово-

ритель о брате. Он не был злым или вредным мальчиком. Он был... никаким. Учился на крепкие тройки. Не увлекался ничем, кроме фарцовки. Однажды попал на деньги. Снёс в «Букинист» несколько дорогих отцовских книг. Потом ещё раз. Когда пробелы заметили, Серёжа обвинил друзей. Всё равно дядя Гена навалял ему по первое число – так говорили. Дядя очень ценил красоту и порядок в книжных шкафах.

На те же тройки брат закончил всё тот же авиационный институт. Несколько лет протирал штаны в кабинетах. Чем-то заведовал. Чем-то торговал. Когда дядя Гена приподнялся в бизнесе, Серёжа закономерно влился в отцовскую фирму. Дальше – всё. Рассказывать нечего. Жизнь с заранее решёнными проблемами – состоялась.

Я поднял один из коньков. Он был тяжёл, элегантен и закончен. Мне казалось, что он не против сменить владельца. Я сказал:

– Поговори с отцом, а? Может, и мне такие достанет.

– Попробую, – вздохнул брат.

Последующие телефонные диалоги напоминают моё общение с журналом «Юность».

– Привет.

– Здорово.

– Ну что? Поговорил?

– О чём? Ой, извини – забыл. Сегодня поговорю.

– Как дела? Поговорил?

– Не получилось. Он в командировке, в Англии. Перезвони через неделю.

– Здорово. Ну как?

– Никак. Всё время на работе. Приходит поздно – я сплю уже...

Тогда я не понимал, что дядя Гена, скорее всего, был в запое.

– Да.

– А Серёжу можно?

– Нет таких. Не туда попали.

Чёрт! Последняя двушка съедена зря. Сколько их проглотили онемевшие от мороза автоматы?

– Поговорил?

– Поговорил.

– Ну?

– Сказал, будет заниматься. Перезвони попозже.

Однажды трубку взял дядя Гена. Он был в хорошем настроении.

– Ну ты что мне сразу-то не сказал? Это же дело пяти минут. Я завтра как раз подъеду на базу. Какой размер?

– Сорок один.

– Отлично. Позвони дня через три.

– Алло. Тётя Таня, здравствуйте. А дядя Гена дома?

– А, это ты, Макс. Не повезло тебе. На охоту уехал.

Вернётся не раньше субботы.

– Добрый день. Мне бы Геннадия Валентиновича.

– Кто его спрашивает?

– Это его племянник.

– Он на совещании. А потом сразу улетает в Москву.

– Дядя Гена, здравствуйте! Я насчёт коньков.

– Каких коньков?

– Ну... м-м-м... мы же договаривались...

– А! Извини, Макс, я не забыл. Я спрашивал на базе, но пока... твоего размера нет. Придётся подождать.

Тем временем кончилась зима. Каток растаял. Я с облегчением понял, что больше не надо звонить ни Серёже, ни дяде Гене. И не звонил очень-очень долго. Можно сказать – никогда. Дядю Гену я увидел лет через двадцать, на похоронах отца. Он почти не изменился – был таким же вальяжным и некстати жизнерадостным. Особенно на поминках, хотя выпил не слишком много. Я поделился этим наблюдением с ма-

терью. Мама не любила дядю Гену. Она сказала, что дядя явился на похороны, уже крепко выпивши. Я сомневался в этом. Позже я узнал, что дяде к тому времени поставили диагноз. Думаю, его поведение было своеобразным плевком в ту бездну, которая готовилась сожрать его вслед за моим отцом.

Через год дядя Гена умирал от рака печени. Когда его в очередной раз навестили друзья, дядя попросил коньяку. Друзья подумали, что он бредит. Алкоголь в его положении означал немедленную смерть. Но дядя сказал: «Я всю жизнь прожил весело... и как хотел. Дайте мне умереть весело. Так, как я хочу». Ему принесли коньяку. Дядя Гена выпил и очень быстро умер. Оставив наследнику строительную компанию, ресторан, две квартиры и какие-то земельные угодья.

Зимой 2003 года мы прилетели в Россию навестить близких. Через несколько дней позвонил брат Серёжа. Я не ожидал его звонка, говорить нам было не о чем. Но он просил встретиться, обещал какой-то сюрприз. И я согласился. Увидев громадный серебристый «Лексус» у подъезда, я начал догадываться, зачем брат настаивал на встрече.

Наверное, я огорчил Серёжу. Ни его машина, ни его загородная вилла не произвели на меня должного впечатления. Вдобавок я не притворялся – а это все-

гда заметно. Все современные машины для меня более-менее одинаковые. Старинные – другое дело. У тех есть лицо, характер. А эти... блестящие металлические ящики на колёсах. Ездит – и ладно. Ну, какая разница, за сколько секунд она разгоняется до ста километров в час? И сколько там подушек безопасности... Хотя, если вдуматься, не обратно ли пропорциональны эти величины?

Жена считает, что я равнодушен к автомобилям потому, что не вожу сам. Водитель в нашей семье – она. Соответственно, у неё более продвинутый взгляд на это дело. Однажды нас хамски подрезал «Порш» (я не знал, что это «Порш»). За рулём – молодой китаец. Жена проворно высунула пальчик из окна, а потом говорит: «Ты заметил, что на поршах ездят одни паршивцы?» И чуть помедлив: «А на мерсах одни мерзавцы».

Серёжа превратился в точную копию отца – если бы фото дяди Гены слегка растянуть по горизонтали. Он много шутил и смеялся. Зубы его явно требовали ремонта.

– Ты что ходишь, как бармалей? – спросил я брата. – Поставил бы фарфор. Деньги же есть.

– Боюсь, – ответил он не сразу. – Понимаешь, у меня две этих... как его... фобии. Зубные врачи и самолёты. Вот такая хрень. Я по жизни никого не боюсь.

Ни ментов, ни бандитов. Ни налоговой. А как подумая об этом кресле – дрожит всё внутри. Самому противно. Я уж и к психологам ходил, и к гипнотизёру.

– А под наркозом?

– Да говорю же тебе – в кабинет в этот зайти не могу! Ноги подгибаются.

– А с самолётами что?

– Та же история.

– То есть ни в Америку, ни в Европу?

– В Европу можно поездом. Но мне это как-то... без надобности. Нас и здесь хорошо кормят.

Между тем скопления высоток за окном быстро редели, оголяя пейзаж. Мы вынеслись за город, в чуть облагороженную снегом тоску средней полосы.

– Сергей, а куда мы едем? – спросила моя жена.

– А-а! Это сюрприз! Ну ладно, скажу. Я ведь недавно дом закончил. Вы – первые гости.

Меня умиляет, когда знакомые полуночные русские говорят, изнемогая от самоуважения: «А я тут, знаешь, дом построил в Подмосковье». Да ты два кирпича в руках не удержишь. Построил он.

– Ерунда осталась, – продолжал Серёжа. – Бассейн и сауна пока не готовы. Воду ещё не пустили. Но камин работает. Через полчаса увидите.

Приехали. Видим: торчит в заснеженном поле строение – убедительное, как мавзолей. Поодаль ещё

несколько таких же. Трёхметровый забор. Из загона нас громко поприветствовали две овчарки. «На ночь выпускаем, – объяснил Серёжа. – Не сами, конечно. Специальный человек приходит...» Я поискал глазами колючую проволоку, но заметил только камеру слежения. Брат устроил нам обстоятельную экскурсию по пустому дому. Рассказывал, что у него где будет и как он здесь всё классно оборудует. Наконец его жена позвала обедать. Мы помянули моего отца и дядю Гену. Затем, уже у камина, пили за дедушек и бабушек и ещё за какую-то родню. Перед сном мы с братом долго обнимались, значит, родственников вспомнили немало. Утром он довёз нас до тёщиного дома. В дороге Серёжа был немногословен и хмур. Видимо, обиделся за свой дом и машину. Я тоже молчал и всё думал, как бы объяснить ему, что я... изменился. И рад этому. Что его джинсы и коньки – тогда – значили для меня стократно больше, чем вся его подвижность и недвижность сейчас.

Мы попрощались, и брат уехал. Через дорогу я увидел спортивный магазин.

– Давай зайдём, – сказал я жене.

– Зачем?

– Хочу кое-что посмотреть.

Я безошибочно выявил нужный отдел. На дисплее стояли пять или шесть пар хоккейных коньков. Разных

цветов и моделей. Казалось, они смеялись надо мной. Я смотрел на них около минуты. Совершил неудачную попытку заговорить. Жена всё поняла. Она взяла меня под руку, и мы пошли домой.

Несколько строк вместо эпилога. В получасе езды от нас находится городок Кантербери. Там есть крытый стадион с искусственным льдом. Каток. И наверняка дают напрокат хоккейные коньки. Я собираюсь туда пятый год, но всё не решаюсь отчего-то. Нет, не отчего-то. Я боюсь, что разучился кататься – вот отчего. Ладно, допишу этот рассказ и поеду. Сразу... Как только совсем заживёт колено.

Вдова Игоря Северянина

Мне трудно вспомнить, когда в нашем доме появился томик Игоря Северянина. Карманного формата, в белой суперобложке. Единственный, изданный в советское время. Вроде бы я оканчивал школу, а может, учился на первом курсе. Но точно знаю, как он появился. Отец привёз его с книжного рынка. В юности отец любил стихи Евтушенко. Затем разочаровался в нём и увлёкся жутко дефицитными поэтами серебряного века. Нашу библиотеку украсили книги Пастернака, Мандельштама, Хлебникова и так далее. Пастернак меня заинтересовал, хотя большинство его стихов я не понял. Мандельштам показался немного сумасшедшим. Хлебников – на всю голову.

Надо сказать, что в поэзии я тогда не разбирался ни черта. Как, впрочем, и сейчас. Думаю, что изначально это была защитная реакция на школьные уроки литературы. Навязанные, тщательно разжёванные произведения, чтение «с выражением» стихов у доски... Сочинение на тему «Вольнолюбивая лирика Пушкина»... До сих пор морщит. По учебникам выходило так, что все известные авторы, творившие до эпохи соцреализма, неустанно боролись с режимом. Правда, не все твёрдо об этом знали. Вот, например, Блок

– долгое время заблуждался. Сочинял всякую чепуху о незнакомках и прекрасных дамах. Но впоследствии одумался и написал о матросах, бодро шагающих на революционный промысел. То есть экспроприировать экспроприаторов. А в финале выясняется, что промысел-то Божий.

У меня всегда было подозрение, что это сочинил не Блок. А кто-то другой. Например, Асеев или Придворов. Блока же вынудили признать авторство. А если и сам, то не без помощи тов. маузера у затылка. Не в буквальном смысле, нет, это вряд ли. У тогдашней власти хватало других методов управления вдохновением. А что если этим текстом, совершенно для него чужим, Блок пытался намекнуть: мол, всё не так, ребята?...

Северянина школьная программа игнорировала без всяких затей. И далеко не его одного. Но хорошая компания здесь – слабое утешение. Мог ли думать «король поэтов», что для целого поколения несостоявшихся читателей он останется автором единственной эпатажной строки? Как и многие, я знал её – но и только. Мне было интересно увидеть весь стих. И другие тоже. Открыв белый сборник наугад, я прочёл: «В дни пред паденьем Петербурга, в дни пред всемирною войной, случайно книжка Эренбурга купилась где-то как-то мной».

Купилась... А ведь классная находка. Убеждает в такой случайности покупки, которая сродни безличности. Книга сама запрыгнула в карман. Я дочитал стих и открыл ещё один: «Четырёхместная коляска (полурыдван – полуковчег) катилась по дороге тряско, везя пять взрослых человек...»

Ничего особенного. Но финал...

«Вам не встречалась та коляска, скажите, будьте так добры?»

Несложный, изящный приём заставляет вообразить, у в и д е т ь коляску. Потому что на такой вопрос хочется ответить «да». Я понял, что буду читать эту книгу с самого начала. Вначале была фотография. На меня смотрел немолодой человек с артистичным, удлинённым лицом, чуть похожий на Питера О'Тула. Он казался бы высокомерным, если бы не усталые, печальные глаза. Концертный костюм. В руке дымится папироса. Игорь Северянин напоминал актёра, только что отыгравшего спектакль. На полпути от роли к себе.

В его стихах отчётливо видны маска и лицо. Экцентричный вызов и бесхитростная незащищённость. И ещё самоирония – вернейший признак ума. Не буду развивать эту тему – ей посвящены десятки статей. Но вот что интересно: меня всю жизнь тянуло к подобным людям. Все мои лучшие друзья такие. Думаю, мы

с Игорем нашли бы общий язык, забрось меня кто-нибудь в «дни пред всемирною войной». Или его сюда.

В предисловии меня заинтриговал один момент. Автор сообщал, что вдова поэта, Вера Борисовна, живёт в Таллине, на улице Ярве, очень уединённо. Ей за восемьдесят лет. Я запомнил имя, отчество и улицу. Ведь существовала – пусть чисто теоретическая – возможность увидеть человека, близкого Игорю Северянину! В этой идее скрывался некий магнетический временной парадокс. Киношный фокус, типа назад в прошлое. И тем не менее...

Белая книжка обосновалась на моей тумбочке. Многие стихи легко запомнились наизусть. Нередко я с успехом декламировал их в разных компаниях, выдавая за свои. На случай разоблачения заготовил какую-то шутку. Разоблачение, однако, запаздывало. В те годы я и сам пытался сочинять. Пробовал – и не раз – имитировать Северянина. Получалась дрянь, фанера. Подделка без куража. Я отказался от этой затеи. Кроме того, мои стихи тоже нравились знакомым. Два из них опубликовала институтская многотиражка. Вскоре после этого ко мне обратился сокурсник Миша. Активист, неизменный организатор всяких факультетских капустников.

– Мы готовимся к студвесне. Может, прочтёшь что-

нибудь своё? Это будет оригинальный номер.

– Можно, – говорю, – но ты мне достанешь бабочку.

– Какую бабочку?

– Ясно, не ту, которая летает. А ту, которую на шее носят.

– Зачем?

– Да так, повыделываться (я сказал менее приличное слово). Хочу стихи читать в бабочке.

Миша секунду подумал.

– Ну, хорошо, найдём тебе бабочку.

Утром, в день выступления, мы с друзьями халтурили на овощебазе. То ли погружали, то ли разгружали какую-то гниль. Заработанную двадцатку решили вечером пропить. Тем более что после концерта намечалась дискотека. Я жил далеко от института. Пока нарядился и доехал, студвесна уже началась.

Миновав открытые двери актового зала (волнующий шум, музыка, смех...), я устремился в туалет. Приятели были в сборе. Вмиг набулькали мне штрафничок. Дали сигарету. В туалет заглянул Миша.

– Ты готов? Твоё выступление через десять минут.

– Я родился готовым.

– Ага, я вижу, – Миша заметил пустой стакан в моей руке. – Ты это... без эксцессов. Всё начальство в первом ряду. На – вот тебе, и не забудь вернуть.

Он протянул мне чёрную велюровую бабочку на ре-

зинке. Я ловко просунул в неё голову, не выпуская сигареты изо рта. Заправил резинку под воротник. Друзья реагировали скептически.

– Хэ! Пижон, бля, – усмехнулся Валера.

– На халдея похож, – заметил Слава.

– Сними и не позорься, – добавил Веня.

– Что б вы понимали, темнота... – я подошёл к зеркалу, но увидел там не себя. На секунду в мутной глубине возник кто-то другой. Удлиненный овал лица, грустные глаза... Вдруг я понял, чьи стихи буду читать сегодня. Бабочка всё решила. Я накатил ещё сотку для храбрости и поспешил за кулисы.

Со сцены уже бубнили о многообразии факультетских талантов и... бла-бла-бла... студент третьего курса Макс Неволошин прочтёт свои стихи. Поприветствуем. Я сильно пожалел, что ввязался в это дело. Выходить на сцену расхотелось до тошноты. Но было поздно. Микрофон шагнул мне навстречу, стараясь держаться прямо и естественно. Зал – отсюда он казался бескрайним – преисполнился нездоровым энтузиазмом. Я знал, что моя яркая индивидуальность тут ни при чём. Просто на инязе нехватка мальчиков. Любой чудила в штанах так или иначе популярен.

Я приглушил аудиторию ладонью. И произнёс нарочно тихим голосом, чуть запинаясь, будто раздумывая над каждой фразой. Будто сочиняя прямо здесь,

на ходу:

В академии поэзии...

в озерзамке беломраморном...

ежегодно... мая первого... фиолетовый концерт...

Пугающая тишина в зале. Казалось, её можно потрогать. Слова были единственной защитой.

...посвящённый... вешним сумеркам,
посвящённый девам траурным...

Тут – газеллы и рапсодии, тут – и глина, и мольберт.

Левую руку я зафиксировал в кармане брюк. Жестиковать обеими руками – это вульгарно. А правой рисовал в воздухе замок с длинной террасой, его эластичное подобие в зеленоватой воде... Английский парк, беседки, солнечные зонты. Контрастные тени на газонах. Красивые, беззаботные люди, стихи, флирт... Эфемерный праздник богемной тусовки, где все талантливы, навеселе и влюблены друг в друга. К четвёртой строфе мой голос возвысился и окреп. Я по-эстраднему растягивал гласные, даже слегка подвывал в нужных местах.

Гости ходят кулуарами-и... возлежа-ат на софном бархате-и,

пьют вино, вдыхают лилии-и, це-епят звенья пахитос...

Тут я выхватил из пустоты невидимый фужер и крикнул в зал:

Проклинайте, люди трезвые! Громче, злей, вороны, каркайте!

Я – как ректор академии —

Пью... за озерзамок... тост!

Бессильно выпустил из руки «фужер» – он «разбился» о сцену. Театрально поклонился, меня слегка качнуло. Зал аплодировал, как ненормальный. Декан и трое заведующих кафедрами недобро смотрели из партера. С галёрки крикнули: «Максик, а ещё?» Я кивнул, вытер пот со лба. Платочек – важная деталь – был извлечён из нагрудного кармана пиджака. И – на втором дыхании прочёл, вернее пропел, «Клуб дам»:

Я – в комфорта-абельной карете-е, на эллипсических рессо-орах...

Страх разом отпустил меня. Нахлынула эйфория, почти левитация. Я чувствовал себя Северяниным на сцене Политехнического. В чём его секрет, откуда его гипноз? Ведь он издевался над ними, глумился, пере-

дразнивал. А они ему хлопали. И сейчас будут хлопать. Будут.

В понедельник меня вызвали к декану. Это был спокойный, правильный мужик. На факультете его уважали.

– Неволошин, вы опять за своё? – сказал декан. – Я объявляю вам выговор. Ещё два, – он изобразил пальцами букву «V», – и будем ставить вопрос о вашем отчислении.

– За что? – спросил я.

– Что «за что»?

– За что выговор?

– За появление в нетрезвом виде на общественном мероприятии. Это официальная версия.

– А неофициальная?

– А неофициальная, – декан усмехнулся, – за плагиат. Будете возражать?

– Нет.

– Ну, свободны тогда. Кстати, стихи хорошие. Надо бы перечитать.

Летом следующего года с компанией друзей-туристов я отправился в Прибалтику. Маршрут был такой. Неделю идём на байдарках по речке Гауя. Затем несколько дней живём в Риге у чьей-то тёти. Она показывает нам город и окрестности. Потом на один день

едем в Таллин. И оттуда – домой.

Байдарочный поход вышел так себе. Спокойная река, открыточного типа пейзаж. Разрешённые стоянки обозначены не только на карте, но и по берегам. На трёх языках. Наверх ведёт деревянная лестница. Поднимешься – опять указатели. Вот – место для палаток. Вот – кострище со всем инвентарём. Поленица дров под навесом. Эти дрова умилили меня, как мало что в жизни. (Помню, взбирались на какую-то гору в Альпах. Лезли полдня. Забрались, а на вершине – будка: телефон-автомат. Вот такое же примерно чувство.) Даже стрелка с надписью «Туалет» произвела меньшее впечатление. Интересно, есть ли там биде?

Вспомнился другой поход, уральская речка Зилим. Бешеное течение, пороги – как по винтовой лестнице съезжаешь на заднице. Клеились чуть не ежедневно. Однажды перевернулись, утопили часть еды, все сигареты и водку. Сигареты, завязанные в целлофановый пакет, мгновенно унесло течением. Бутылки побились о камни. А до ближайшего села пять дней ходу. Вот это я понимаю – экстрим. В том же походе сидим как-то вечером у костра. Вдруг – мягкий перестук копыт... человек на лошади. Лесник. «Ребята, – говорит, – вы тут, случайно, медведя не видели?...»

Добрались по реке до какой-то станции, упаковали

байдарки. Отправили багажом домой, а сами – в Ригу. С досадой сознаюсь, что ни Риги, ни Таллина отчётливо не помню. Слишком давняя это история, почти как чужая жизнь. Кроме того, много сходных городов перекрыли, затёрли впечатление. Оно слилось в единый имидж отполированной глазами туристов средневековой Европы. Собор, площадь, булыжная мостовая. Отары экскурсантов, щелчки фотокамер. Голуби, флюгеры. Или флюгера. В Риге, ещё на вокзале, поразило обилие рискованно одетых, вернее недоодетых, девиц. На одной было платье – как из рыбацкой сети. На крупную рыбу. Мы чуть шеи не свернули.

Ещё вспоминаю, шли по тихой нарядной улочке. Весёлые, недавно отреставрированные дома пастельных тонов. А из открытых подъездов нещадно разит кошками... В первый вечер курили на балконе. Слышим, внизу надвигается ор. Идут человек двести молодых парней с факелами и транспарантами. И скандируют: «Ака-пана-фон! Ака-пана-фон!» На латышском, что ли? – думаю. Но через минуту понял: «Оккупанты – вон». Мы быстро зашли в квартиру. И задёрнули шторы.

Тётя, которая нас приютила, имела отношение к кино. Поэтому её экскурсия вышла своеобразной. Например, она указывала на приземистое здание с колоннами и спрашивала:

– Ну?... Узнаёте?

– ?

– Рейхсканцелярия. «Семнадцать мгновений весны»!

– Но оно там высокое...

– Элементарно. Снимали вот отсюда, с левого нижнего угла.

Затем она показала нам «Цветочную» улицу. Окно, из которого выпал несчастный профессор Плейшнер. Зоомагазин, откуда старичок-продавец всё это наблюдал. Магазин оказался на той же стороне улицы, а не на противоположной, как в фильме. Кажется, там на самом деле ресторан. Следующую достопримечательность я узнал без помощи киношной тёти – «Бейкер-стрит, 221-б». Год назад, в Лондоне, мне довелось пройтись по настоящей Бейкер-стрит. Я испытал сложное чувство. Во-первых, разочарование от убогости оригинала. Во-вторых, гордость, потому что наша Бейкер-стрит лучше в разы.

Таллин, особенно старый центр, напомнил шахматный город из забытого детского фильма. Мы прослушали какую-то экскурсию. Когда группа разошлась, я обратился к девушке-экскурсоводу:

– Скажите, как добраться до кладбища Александра Невского?

– Очень просто. Трамвай за углом. Семь остановок.

Или восемь... – спросите там у кого-нибудь.

– И потом до улицы Ярве...

– От кладбища можно дойти пешком.

– А правда, что на этой улице живёт вдова Игоря Северянина? Может, случайно, знаете адрес?

– Чей?

– Ну, как же... Вера Борисовна, вдова знаменитого поэта.

– Первый раз слышу, извините.

Ответ неприятно удивил. Но не обескуражил. Главное, добраться до улицы Ярве, там Вера Борисовна наверняка – местная знаменитость. Друзья отдали мне карту и направились в пивбар. У входа на кладбище я купил пять роз. Две – на могилу, и три – вдове. Могилу разыскал легко. Слева от главной аллеи, четвёртый поворот, так сказали бабушки-цветочницы. Скромное надгробие, чёрная изгородь, плита с ожидаемым двустушием. Я постоял немного. Вспомнил обрывки стихов. Это было у моря, где ажурная пена... В парке плакала девочка... Друзья, но если в день убийственный падёт последний исполин... Положил розы и ушёл. Никаких особых чувств не возникло. Разве что ощущение выполненного долга.

Мысленно я уже стоял перед дверью вдовы. Картинки, одна банальнее другой, вертелись в голове. Ве-

лосипедное треньканье антикварного звонка... На пороге очень старая и очень красивая женщина. Ведь у Игоря Северянина не могло быть некрасивой жены. Без удивления берёт цветы. Приглашает войти. В квартире герметично пахнет древней мебелью и книгами. Прелостью (прелестью?) остановившегося времени. Тиканье ходиков акцентирует это, как исключение, оттеняющее правило. Хозяйка предлагает чаю. Достает из шкафа альбом с жёлто-серыми, в трещинах фотографиями...

Улица Ярве оказалась вполне заурядной. Типичная пригородная улица. А чего я, собственно, ждал? И с какой стати возомнил, что легко узнаю нужный дом? Нет, интуиция предательски молчала. Напрасно я всматривался в безликие двух-, трёхэтажные здания, куцые палисадники, дворы. В пенсионеров на лавочках.

С них-то я и начал опрос. На обратном пути говорил уже со всеми, без разбора. Некоторые люди искренне хотели помочь. Например, спрашивали, как фамилия Веры Борисовны или как она выглядит. Другие насто-роженно качали головами. Третьи бормотали что-то в сторону по-эстонски. Скорее всего: «Не знаю». А может: «Пошёл на хрен». Двинувшись по улице в третий раз (она была короткая), я заметил несколько подозрительных взглядов.

Ноги признали фиаско раньше головы. Через полчаса бесцельной ходьбы я упёрся в железную дорогу. Невдалеке виднелась станция. Добрёл до ближайшей лавочки. Сел, закурил. Посмотрел на глупые красные цветы. Я устал. Остановившаяся электричка выпустила толпу пассажиров. Я заметил интересную блондинку в розовом сарафане. Поднялся навстречу. Протянул цветы.

– Возьмите. Это вам.

– Мне? Зачем?... А, понимаю. К вам, наверное, бабушка не пришла.

Удивлённые глаза. Премилый замшевый акцент.

– Скорее, бабушка.

– Бабушка?

– Шучу. Не в этом дело. Возьмите, пожалуйста. В другое время я бы... ну... Просто у меня скоро поезд.

Блондинка улыбнулась. Взяла розы и ушла, не оглядываясь. Я вздохнул. И отправился искать центральный вокзал.

Сочиняя этот рассказ, я нашёл в Интернете Веру Борисовну – её архив, письма, дневники. Воспоминания о ней. Она умерла в 1990-м, прожив восемьдесят семь лет. То есть, когда я разыскивал её в Таллине, ей было восемьдесят два. Она и правда красивая. А какая ещё у Игоря Северянина могла быть жена.

Кризис среднего

Годам к сорока шести – как всегда с опозданием – я догадался о значении нелепой фразы «кризис среднего возраста». Это когда внезапно понимаешь, что большая часть твоей жизни ушла в никуда. Истрачена как-то не так. Совсем не так радостно и крупно, как виделось из лопухой юности. Ещё противнее, что вот этот куцый остаток тебя – драгоценного, неповторимого – быстренько утекает в ту же сточную трубу. А на финише – уже рядом – немощь, казённая пижама и траурно звучащие диагнозы. И все эти фразы о том, что когда-нибудь мы станем жить лучше, просторнее, богаче. Бросим работать, купим дом на тёплом океане. Когда-нибудь мы вылечим печень, целлюлит, геморрой. Поставим новые зубы. И – в круиз вокруг света. Что всё это – ложь непонятно кому. Что «когда-нибудь» уже не будет. Есть только очень проблемное «сейчас».

От такого убойного инсайта людей тянет на всякие глупости. Одни кидаются в разорительные объятия молодых и длинноногих. Другие банально спиваются. Третьи совмещают первое и второе. Потом разводятся, судятся, делят остатки имущества. Кто-то прячется в секты, монастыри. Кто-то находит диковинное

хобби вроде резьбы по фруктам или покраски собак. Надо ли говорить, что всё это бесполезно. Я – человек ленивый, то есть предпочитающий думать. Я думаю о том, почему всё так несправедливо вышло. Кто виноват. Ну и, соответственно, что делать.

Пять дней в неделю я вынужден ездить на работу. Полтора часа в один конец. Итого одиннадцать часов в сутки – лучшее, дневное время – я провожу в бетонных или железных коробках рядом с непонятными, чужими людьми. И я им такой же чужой. Хотя, с точки зрения физики, мы довольно близки. Годами бок о бок зарабатываем на еду, счета, налоги. На помещения для сна. Это ли не парадокс? Пять дней в неделю мы с женой встречаемся только за ужином и в кровати. Оба усталые как собаки. Я всё чаще опасаюсь помереть, не насмотревшись на неё как следует. Чтобы подольше быть вместе, мы часто хвораем. В последнее время – по-настоящему.

Нет, кого-то эта ситуация очень устраивает. Таких мало, но они есть. Наш замначальника приходит в офис раньше всех. Никто не знает, когда. И когда уходит – тоже никто не знает. Не говоря уже о том, чем он, собственно, занимается. Поначалу я думал, что он – трудоголик. Потом выяснилось – у него дома три бандита среднеподросткового возраста. И жена, у кото-

рой от их воспитания характер не улучшается. Он на работе отдыхает. Для него выходные – каторга, праздники – гибель. Он бы сутками работал. Ладно, ему хорошо, а мы-то как?

Парадокс – думаю я, заполняя очередную налоговую декларацию. Или откладывая Daily Telegraph и глядя в окно на ползущий назад, уставший от самого себя ландшафт. Daily Telegraph – единственная газета, которую я читаю. Она наименее политкорректная, а главное – систематически ругает правительство, кто бы ни был у власти. Вот что я прочёл.

1. Наша страна купила у американцев двадцать реактивных истребителей-бомбардировщиков. Сто миллионов долларов штука. Невероятная скорость и точность бомбометания. Лётчики потирают руки от нетерпения – им хочется испытать боевые машины в действии. А мне хочется спросить: кого планируем истреблять? В кого метать бомбы? В террористов? Тут у нас еле-еле одного разыскали за десять лет. Как это: везде есть террористы, а у нас нет? Непорядок. Особенно если учесть, что этот, которого изловили, впоследствии оказался ни при чём.

2. Италия цепенеет от наплыва беженцев из Северной Африки. Беженцы, судя по фото, в основном мужики призывного возраста. Прибыло уже сорок тысяч. И все требуют калорийного питания, спортивно-

го инвентаря, бытовых удобств и сигарет. В Австралии та же беда – плывут нелегалы из Ирана-Афганистана транзитом через Индонезию. Чуть не ежедневно прибывает корыто, а в нём пятьдесят-восемьдесят пассажиров. Женщин, стариков, детей – мало. Большинство – крепкие, подтянутые ребята. Все как один – без документов (утонули/сгорели документы), зато лица небритые и решительные. Требуют горячего питания, желательно разнообразного, хороших бытовых условий, спортивного инвентаря, медобслуживания и доступа в Интернет. А также адвокатов на случай шального вердикта о депортации. И поскорее беженскую визу. И пособие. На этих ребят уходят сумасшедшие деньги. Наши деньги. Изъятые у нас в виде налогов. Которые вроде бы изымаются для нашей пользы. Никто, однако, не спросил, хотим ли мы вкусно кормить этих «гостей» и их стремительно растущее потомство. Защитить границы правительство не способно. С другой стороны, на то они и лейбористы – это ж их будущий электорат плывёт.

3. В Англии четыре дня погромы. Подростки жгут автомобили, дома, грабят магазины. Полиция бессильна. Есть убитые и раненые. Ущерб превышает двести миллионов фунтов стерлингов. Кто будет возмещать? Страховые компании? Правительство? Да, но у кого они возьмут деньги? Хороший вопрос. Двое суток

пресса и TV аккуратно уклоняются от идентификации мерзавцев. Но не моя любимая газета. Там в первый же день – их фото крупным планом. Где я видел эти необитаемые глаза и решительные лица? Ба – да это те самые, которые... Вернее, это их дети. Они родились в правильном месте. Тут можно бездельничать и получать велфэр. Ночами быковать, орать, ржать на улицах. Днём отсыпаться, ходить в качалку, смотреть плоский телек. Если телека нет, можно разбить витрину и унести его. А горбатиться каждый день – это для убогих типа нас с вами.

4. И последнее. Раздел «Шоу-бизнес». По данным журнала Forbes, в прошлом финансовом году Леонардо Ди Каприо стал наиболее высокооплачиваемым актёром Голливуда. Его гонорары составили семьдесят семь миллионов долларов. Леонардо серьёзно обошёл прошлогоднего чемпиона Джонни Деппа. Бедняга Джонни получил всего пятьдесят миллионов. Здесь же. У пятилетней дочери Тома Круза день рождения. Родители подарили ей кукольный домик в н а т у р а л ь н у ю величину. Теперь девочке есть где хранить свой гардероб и тридцать семь пар модельной обуви.

Абсурд, происходящий даже в благополучных странах, говорит о том, что человечество развивается

крайне медленно. Как дебильный ребёнок. Конечно, есть умные люди и даже очень. Мне в жизни посчастливилось знать десятерых. Точнее, одиннадцать – чуть себя не забыл. Но их число настолько мало, что в статистическом выражении оно приближается к нулю. Если бы умных людей было много, человечество давно бы поняло одну несложную вещь. Работяги, которые ищачат по восемь часов полную неделю – это его главная ценность. Те самые, которые, как робинзоны, мечтают о пятнице и знают, что их даже отпуск не спасёт. А не те, которые торгуют акциями, воюют непонятно за что, произносят чепуху с трибун, гоняют мяч или ломаются перед кинокамерой.

Представим: всеобщая забастовка в Голливуде. Или: теннисисты бойкотировали Уимболдон. Об этом будет много шума, но кто реально пострадает? Никто. А если забастуют уборщики мусора? Водители автобусов? Или, не дай Бог, медсёстры? Я понимаю, что звучу наивно, но разве не в силах мировое сообщество уменьшить их (нашу) рабочую неделю хотя бы на день? А рабочий день – хотя бы на час. В силах. В том-то и дело, что в силах. Если бы не транжирить попусту ресурсы и налоги.

Например, хорошо бы отказаться от военных расходов. Напрочь, совсем. Всем договориться, назна-

чить годичный срок, и – отказаться. Естественно, упраздняются армии, военные училища и оборонная наука. Миллионы здоровых, трудоспособных людей прекращают висеть на шее налогоплательщиков, осваивают гражданские специальности и... Ура! Рабочая неделя становится четырёхдневной. А рабочий день – шестичасовым.

А сколько пользы могли бы принести учёные, которые сейчас изобретают, как хитрее замочить нас с вами. Вот бы эти светлые головушки занять чем-нибудь толковым, хоть медициной. Ведь она в первобытном состоянии. Эх, если б туда – военные бюджеты да мозги! Сколько проблем можно решить! Продление человеческой жизни до 150–200 лет. Быстрое и лёгкое (достаточно одной таблетки) излечение рака и прочих трудноизлечимых недугов. Изобретение безвредных сигарет, алкоголя и наркотиков. Последние немедленно поступают в продажу. Отказ от допотопных протезов и имплантатов. Все удалённые органы вырастают из самого человека, как хвост у ящерицы или акулы зубы. Наконец, устраняется проблема тяжёлой беременности и родов. Хватит этого варварства, довольно издеваться над слабым полом! Зачатый эмбрион идеально развивается в пробирке. Ему играют Моцарта и внушают правила личной гигиены. В это время мамаша наслаждается полноценной жиз-

нью – без растущего живота, тошноты и страха. По истечении девяти месяцев счастливым родителям вручают чадо с хорошим сном и аппетитом. Которое на второй день просится на горшок.

Предвижу возражение. Как быть с особо воинственными индивидами и даже целыми народцами? Кто от них защитит – без армии? Ответ такой: их надо изолировать. Не воевать с ними – их победить нельзя. Не играть в мультикультурализм, не перевоспитывать, не навязывать своих ценностей. Мало они подтирались этими ценностями?... Нет. Полнейшая изоляция – территориальная и экономическая блокада. Самолёты и корабли отобрать. Границы усилить, чтоб мышь не проскочила. Пограничные войска, так и быть, сохраним на время. А тем, которые уже проникли сюда, объявить жёсткое условие. Малейшее проявление агрессии – и сразу депортация на историческую родину. Без всяких разбирательств. За год, оставшийся до нашего разоружения, они там – внутри этих территорий – умело друг друга ликвидируют. Им ведь безразлично, кого резать, главное – процесс.

Похоже на Нью-Васюки? То ли ещё будет.

Известно, что в более-менее пристойных государствах четверть работающего населения кормит три четверти иждивенцев. Если не считать больных, пен-

сионеров и детей, то неработающих – явных и скрытых – останется где-то две трети. Две трети молодых, здоровых граждан, которые по разным причинам ни черта не делают. При этом регулярно едят, пьют, где-то спят – и ни малейшей озабоченности на лицах. Наоборот, многие выглядят очень бодро. Значительно бодрее нас с вами. Я тут недавно остался дома на больничном и вышел в город за пивом. Понедельник, одиннадцать утра. Полные улицы беспечного народа. В магазинах не протолкнуться, в ресторанах – аншлаг. Допустим, кто-то из них туристы. Другие в отпуске или работают на полставки. Но не вся же эта толпа. В барах весело шумит спортивный тотализатор, пиво льётся рекой. Фитнес-центры забиты... нетрудно догадаться, кем. На пляже – ступить некуда – мигом отдавишь лапу какому-нибудь загорелому бездельнику.

А ведь большинство этих любителей солнца живут на пособие. Которое опять-таки берётся из налогов. То есть мы горбатимся, чтобы они валялись на пляже. Вывод – их необходимо трудоустроить. Всех. Не могут найти работу – пусть трудятся там, где нужны люди. Мусор убирать вдоль железной дороги – полно вакансий. И язык иностранный не обязателен. Пособия оставить только больным и инвалидам. И тщательнее проверять. Остальных тунеядцев всех поголовно – на работу. За счёт этого пополнения совокупная рабочая

неделя уменьшается до трёх дней. А рабочий день – до пяти часов.

О сверхдоходах. Я не агитирую за то, чтобы всё отнять и поделить. Это мы уже проходили. Это тупик. Зайдём с другого боку. Леонардо Ди Каприо за более-менее удачное кривляние на съёмочной площадке имеет семьдесят семь миллионов долларов в год. Я нарочно не сказал «зарабатывает». Таких денег заработать невозможно. Санитарка в госпитале, которая меняет больным памперсы и выносит за ними какашки, зарабатывает в две тысячи раз меньше. Значит ли это, что игра Ди Каприо в две тысячи раз ценнее для общества, чем труд санитарки? Что он в две тысячи раз нужнее людям – мне, вам?

Те, кто лежал в больнице, знают правильный ответ. Особенно если в неходячем состоянии. Мне, допустим, Леонардо до фонаря, хоть больному, хоть здоровому. А санитарка... Однажды был случай: кровь у меня пошла ночью. Сильно. Еле до кнопки дотянулся, а понять, надавил ли, не могу. Вот когда стало ясно, что ценнее санитарки нету в мире человека. Отсюда предложение. Гражданам со сверхдоходами оставить по лимону баксов в год. Остальное забирать в налоги.

На что Леонардо Ди Каприо истратит семьдесят семь миллионов? Купит ещё одну яхту? Замок? Остров? Трахнет ещё сто фотомоделей? Так они задаром

в очередь встанут и сами приплатят. Не надо одному человеку столько денег. Это неприлично. Гораздо честнее и достойнее заплатить налог, который я предложил. И можно повысить оклад целому госпиталю. Увеличить штат, сократить всем рабочий день. А если подтянутся Депп с Крузом – и на три больницы хватит. Ну, а если все – дружно – кто имеет сверх лимона в год (таких немало)... Поживее заполняем декларации, господа! Человечество устало. Оно согласно работать максимум пару дней в неделю. По четыре часа в день.

Небольшое отступление от темы. У меня есть виртуальные знакомые, опубликовавшие двадцать-тридцать рассказов. А есть, у которых двести-триста. Иногда неплохие. И авторы, судя по фото, не пенсионеры. Откуда время на такую плодовитость? Ведь это не стихи, которые «случаются, как чувства или же закаты». Проза, даже никудашная, требует времени. Хотя бы на набор текста. Закрадывается подозрение о неуставном использовании рабочего дня. А когда ещё творить? Дома – семья, магазины, уборка, хозяйство... А на работе – самое оно – текст, он и есть текст. Кто там разберёт, что это – отчётный доклад или новый шедевр?

И молодцы. И правильно. Должны же мы хоть что-

то с них иметь, кроме зарплаты. Я тоже сочиняю на работе. Тут главное – стратегически верно расположить монитор. Спиной к типичному курсу приближения начальства. Пока оно доберётся – клик! – а на экране уже отчётный доклад. Где же твои двести рассказов? – спросит кто-нибудь. Почему всего двадцать? Придётся открыть страшную тайну. Я невероятно ленивый человек. Даже собственным хобби мне заниматься лень.

Руководство, однако, меня ценит. Не увольняет, дважды в год индексирует жалование. Работу я делаю качественно и в срок. При этом трачу на неё максимум полдня. Выручают опыт и недюжинный умище, хотя о последнем я, кажется, уже говорил. Можно, конечно, поделиться рацпредложениями с начальством. Только зачем? Чтобы у меня отобрали полставки? Или нагрузили по самые уши за ту же зарплату? Нет, вторую половину дня я использую в своё удовольствие. Например, читаю опусы таких же, как и я, ветеранов офисного труда.

Иногда я думаю: а если бы всё устроить по-честному? Допустим, как в аспирантуре. Вот срок – три года. Вот задание – диссертация. Когда ты её напишешь и где (важный момент) – исключительно твои проблемы. Мой знакомый аспирант Саша, философ, почти три года валял дурака. За месяц до защиты на-

скоро протрезвел и выдал двести страниц непостижимо-го текста. Что-то о проблемах социального отчуждения или разотчуждения. Писал целыми днями, лёжа в общежитской койке. Исцарапанные гениальным почерком листы сбрасывал на пол. Вечерами приходила его девушка Лена. Сортировала бумажный ко-вёр, перепечатывала рукопись на еле живой «Эрике». Вскоре Саша блестяще защитился, женился на Лене и увёз её в Магнитогорск. Впрочем, мы отвлеклись.

Так вот, представим, что сказки, которые я наплёл там выше, оказались былью. То есть все работают пару дней в неделю. По четыре часа в день. Значит, я (если по-честному) – два часа. Да, но зачем тогда вообще ездить в офис? Ехать три часа, чтобы работать два? При нынешнем развитии электронных коммуникаций люди типа меня должны трудиться дома. А не жечь в пробках бензин и не загружать общественный транспорт. Если шефу приспичит, он может включить скайп и увидеть мои честные, трезвые глаза. Правда, не уверен, что он захочет продемонстрировать свои. Итак, работа превращается в сто двадцать необременительных минут в неделю. Не выходя из дома. Не вылезая из халата. Не вставая с дивана.

Конечно, не все люди могут работать дома: например, строители или те же медсёстры. За это нужно

отправлять их на высокооплачиваемую пенсию в сорок пять лет. А остальных – в сорок семь. Блестящая идея! Отцы и матери наконец-то возвращаются домой. Воссоединяются семьи. Дети постепенно узнают родителей. Родители с приятным изумлением обнаруживают лишних детей. Измождённые люди среднего возраста начинают достойно и медленно жить. Приобретают дома с видом на море. Лечат язву, пепт, целлюлит, геморрой. Сверкая новыми зубами, поднимаются на борт океанских лайнеров. Мы с женой встречаемся, чтобы не расставаться уже никогда. И всё. И никакого кризиса.

– Макс! Срочно к шефу!

– Зачем?

– Требуется данные по возрастной группе сорок-пятьдесят.

– Сейчас иду.

– Мухой! Он ждёт.

– Да бегу, бегу... Бегу уже.

Practical joker

Моего лучшего школьного друга звали Эдик. Среди одноклассников Эдик ничем не выделялся. Я тоже. Наверное, поэтому мы и стали друзьями. Хотя нет, у Эдика было одно увлечение. Он любил устраивать окружающим мелкие пакости. Даже не то чтобы любил. Это выходило у него само собой, так же естественно, как у Моцарта – простая гамма. На мне Эдик практиковался редко, иначе мы вряд ли дружили бы столько лет.

Возможно, мой друг перенял это хобби у отца. Дядя Миша тоже любил пошутить. Например, размешав сахар в чае, внезапно приложить горячую ложечку – опа! – к щеке кого-нибудь из домашних. Ему казалось, что это очень весело. В ответ на справедливые возмущения дядя Миша произносил какую-нибудь глупость типа: «Обида пройдёт – опыт останется». Или: «Обидки – в жопе паровоз». Или (вздыхнув): «Быть папачес – большой мучачес». В остальном это был простой, добродушный человек. Лётчик гражданской авиации.

Однажды Эдик настрогал серы от спичечных головок. Начинил ею отцовскую сигарету. Сверху добавил табачку, аккуратно притрамбовал. И незаметно вернул в пачку. Жаль я не видел, как папачес заку-

рил эту сигарету. Эдик говорил, что вся семья ржала, как ненормальная. И громче всех – дядя Миша, который слегка обжёт нос. Впоследствии, рассказывая этот прикол знакомым, дядя Миша неизменно повторял: «Смышлёный растёт говнюк, весь в меня».

В нашем классе многие натерпелись от шуток Эдика. Особенно здоровые и крепкие ребята. Мой друг предпочитал крупную дичь. Разумеется, он часто получал в глаз, иногда и я за компанию. Эдика это не останавливало. Как-то раз его выгнали с последнего урока. Эдик не пошёл домой. Он разыскал где-то картонный ящик. Положил туда несколько кирпичей и оставил на школьном дворе. Когда толпа одноклассников вывалилась из школы, Эдик сказал амбалу Лёше Карасимову:

– Слышь, Карась. Спорим на щелбан, что я пну эту коробку дальше, чем ты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.